

139
19
В. М. ПАСЕЦКИЙ

ЗВЕЗДНЫЕ МГНОВЕНИЯ АРКТИКИ

979377

МАГАДАНСКАЯ
Областная библиотека
им. А. С. Пушкина

С.-Петербург. «Судостроение». 1995

ными описями значительные пространства северо-востока Азии.

Обширные минералогические, зоологические и ботанические коллекции, собранные как на Севере, так и в тропиках, важные географические открытия в Беринговом проливе и Каролинском архипелаге, где было обнаружено двенадцать групп ранее неизвестных островов, и точное исследование архипелага Боинг-Сима поставили плавание Ф. Н. Литке на шлюпе «Сенявин» в число наиболее плодотворных кругосветных экспедиций первой половины XIX века.

Плавание Федора Петровича Литке и М. Н. Станюковича является заключительным звеном научных кругосветных путешествий русских военных судов в первые тридцать лет XIX века. Оно достойно венчает эпоху капитанов, знаменитых не только своим мореходным искусством, но и любовью к изучению природы.

Впоследствии выдающийся советский океанограф Ю. М. Шокальский с восхищением писал о том, «сколько много русские моряки интересовались научными работами, не упуская случая для производства наблюдений, и на маленьких судах и с небольшими средствами сделали многое, сохраняющее научное значение до сих пор, несмотря на быстрый рост географической науки в последнее столетие».

По возвращении из кругосветного плавания по совету Александра Гумбольдта Литке был определен воспитателем великого князя Константина Николаевича. На многие годы он оказался оторванным от морей России, но в меру сил продолжал заботиться об их исследовании, и прежде всего Новой Земли, о чем уже шла речь.

В 1845 году вместе с Ф. П. Врангелем и К. М. Бэрром они основали Русское географическое общество, фактическим руководителем которого многие годы был Литке.

В 1864 году он стал президентом Петербургской Академии наук, которую возглавлял восемнадцать лет.

На протяжении всех лет пребывания на посту президента Академии Литке добивался увеличения средств на научные экспедиции. В середине 70-х годов прошлого века Академия располагала ежегодно лишь 2570 рублями на ботанические, зоологические, геологические, археологические исследования. «При такой обширности своего назначения, — писал Литке, — эта сумма оказывается столь незначительной, что ежегодно некоторое число предложений, делаемых членами отделений Академии в интересах Науки и от которых можно было ожидать весьма важных для нее результатов, должны быть по необходимости отклоняемы».

Больше всего страдали от этого безденежья географические исследования. В то время Литке являлся вице-президентом и фактическим руководителем Русского географического общества. Рассматривая его как своего рода географическое

отделение Академии, он стремился именно в нем развивать географические исследования. Это удавалось делать сравнительно легко, поскольку ключевые позиции в Географическом обществе занимали академики и члены корреспонденты. Широким фронтом развернулись работы на Русском Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке и Средней Азии.

Экспедиции уделяли основное внимание изучению топографии отдельных районов и областей, исследованию гидрологического режима, главнейших рек и отдельных морей, в том числе и полярных, географии животных и растений, изучению почв. Особое место занимало исследование природных богатств страны, ознаменовавшееся открытием месторождений нефти, каменного угля, полиметаллических руд.

Предпринимались попытки к изысканию транспортных путей между Обской губой и европейскими портами, было выявлено проникновение теплых атлантических вод к берегам Новой Земли. Учеными России была отвергнута гипотеза знаменитого немецкого географа Гумбольдта, будто в ледниковую эпоху Ледовитый океан имел сообщение с Арало-Каспийским бассейном. Был разработан план дальнейшего изучения севера Восточной Сибири.

К сожалению, Литке не дождался до того времени, когда были осуществлены эти планы. Уже после его смерти Академия наук направила на Новосибирские острова А. А. Бунге и Э. В. Толля, выдающихся исследователей Арктики.

Как президент Академии наук и руководитель Русского географического общества Федор Петрович Литке участвует в подготовке Первого международного полярного года (1882). По его программе Россия вела магнитные и метеорологические исследования на Сагастьерь, в дельте Лены, в Малых Кармакулах, на Новой Земле. Таким образом, Литке приложил немало усилий, чтобы изучение Севера велось успешно.

Человек, открывший восточные берега Новой Земли

В Кронштадте на площади у бывшего Штурманского училища стоит памятник русскому полярному исследователю Петру Кузьмичу Пахтусову. Высоко поднятая голова Пахтусова обращена к морю, которое шумит и плещется совсем рядом. В руке он держит карту Новой Земли, добытую для России и науки ценой жизни. На граните высечены слова: «Польза, Отвага, Труд». Эти слова были его девизом.

Пахтусов родился в 1800 году в Кронштадте. Ему было семь лет, когда его отец, отставной шкипер, умер. Жили Пахтусовы в это время в городе Сольвычегодске Вологодской губернии. Через несколько месяцев семья переселилась в Архангельск, где мать надеялась найти работу, но и в Архангельске положение нисколько не улучшилось. Мать зарабатывала жалкие гроши, которых не хватало даже на хлеб. В 1808 году ей удалось определить сына в военно-сиротскую школу. Здесь Пахтусов выделялся среди сверстников разносторонними познаниями в морском деле и отличными успехами в учении. В 1816 году его направили в Кронштадт продолжать образование в Штурманском училище. Путь до Кронштадта он проделал на военном корабле «Кацбах».

В 1820 году Петр Кузьмич успешно закончил училище и был произведен в штурманские помощники унтер-офицерского чина. Он вернулся в Архангельск.

Почти каждый год в течение одиннадцати лет он плавал на судах или ездил на оленьих упряжках, участвовал в трех Печорских экспедициях И. Н. Иванова, в Западной экспедиции И. А. Березных и в пяти плаваниях по Белому морю под начальством М. Ф. Рейнеке.

Иванов, Березных и особенно Литке и Рейнеке в официальных донесениях неоднократно отмечали отвагу и трудолюбие Пахтусова, его инициативу, страстное стремление проникнуть в неизвестные области Северного Ледовитого океана. Он молод, ему недавно присвоили офицерский чин. В силу обстоятельств он занимает второе место в экспедициях. Но по всему чувствуется, что Пахтусову недолго оставаться в тени и скоро он скажет свое слово в науке, что именно ему предстоит ступить на берега, еще не положенные на карту.

Еще в те времена, когда он участвовал в экспедициях Иванова и Березных, его внимание привлекала заманчивая далекая Новая Земля. Весь ее восточный берег и значительная часть западного не были положены на карту. Рассказы очевидцев, пустозерских промышленников, свидетельствовали о том, что Карское море бывает безледно и, следовательно, можно пройти с описью вдоль восточного берега Новой Земли и обогнуть ее северную оконечность.

12 октября 1829 года П. К. Пахтусов отправил из Архангельска свой проект «О снаряжении экспедиции для описи восточного берега Новой Земли». Он предлагал в Усть-Цильме, а еще лучше в Архангельске, построить карбас наподобие тех, которые употребляют местные жители для промыслов. В состав экспедиции, по мнению Пахтусова, кроме помощника, должны входить десять промышленников, которые лучше матросов знают условия плавания среди льдов. Экспедиция должна иметь полугодовой запас продовольствия и быть «не дороже 7 или 8 тыс. руб. ассигн.».

Управление генерал-гидрографа нашло, что проект Пахтусова

заслуживает большего внимания, чем проект И. А. Березных, но этим дело и ограничилось.

Между тем по совету П. К. Пахтусова восемнадцатилетний помор Гвоздарев весной 1831 года отправился на собственной шняке к берегам Новой Земли и вернулся с полным грузом гольцов (род семги) и моржей. «Этот пример,— по словам Рейнеке,— привлек на следующий год многих поморцев к берегам Новой Земли, и давно забытые становища опять наполнились лодьями».

За год до проекта Пахтусова советник Северного округа корабельных лесов Павел Иванович Клоков, в доме которого на протяжении многих лет находили радушный прием многие моряки, составил проект о возобновлении судоходства из Архангельска к сибирским рекам, но, занятый делами службы, не имел времени привести его в исполнение. Наконец, найдя через Рейнеке в лице Пахтусова «человека основательного и готового переносить трудности подобной экспедиции, Клоков решился дать ход своему проекту».

Основное внимание проектируемой Северной экспедиции «первоначально обращалось» на исследование «как берегов Новой Земли, так и Карского моря и на открытие удобного пути к реке Енисею».

Проект Клокова, который должен был осуществляться частью на весьма значительные пожертвования его автора, частью на капиталы архангельского купца Вильгельма Брандта, отмечает необычайная широта размаха. Предполагалось, во-первых, удостовериться, какой из двух путей к Енисею удобен: через Маточкин Шар или через проливы Карские Ворота и Югорский Шар; во-вторых, исследовать восточный берег Новой Земли, на южной оконечности которой основать становище с лоцманом. Такие же становища намечались на острове Долгом или Вайгаче, на острове Белом и острове Кузьмино в Енисейской губе. Одновременно мыслилось учреждение факторий при устье реки Мутной, в Карской или Хайпутырской губах, а также на Енисее.

По утверждению «Журнала мануфактур и торговли», «успешное разрешение подобного дела... должно было оживить этот обширный и богатый от природы край нашей Азии... внести туда волшебницу-промышленность, чудесным жезлом своим усотрачивающую цену малейшего предмета, к которому она прикоснется, ввести туда торговлю, открыть внезапно новый широкий исток произведениям всех царств природы, коими та одарена роскошно, и коих малейшая только часть» доставлялась в Центральную Россию и в некоторые государства Европы.

Подчеркивая важность и смелость подготавливаемого Клоковым и Брандтом мероприятия, тот же журнал отмечал, что его успех откроет «важную эпоху в истории торговли и промышленности».

Планы Брандта с сыном и Клокова шли далеко. Как видно из письма Клокова от 1 октября 1832 года к Я. А. Дружинину, предлагавшему организовать акционерную компанию для торговли с Сибирью, снаряжители экспедиции обратились через архангельского военного губернатора Р. Р. Галла к министру финансов Е. Ф. Канкрину с просьбой о выдаче им «по сему предмету привилегий на 25 лет».

«И ежели,— продолжал Клоков,— правительство дарует нам просимую привилегию, то Брандт, управляя делами в Архангельске, усилит старание, дабы открыть своим судам путь к реке Енисею, и когда поиск сей увенчается счастливым успехом, в таком случае постарается склонить и иностранцев посылать туда свои корабли, я же, оставив службу, отправлюсь в зауральские губернии для устройства при реке Енисее порта и приведения торговли того края морским путем в сколь возможно лучшее состояние».

Клоков считал нецелесообразным создание «компании на акциях», поскольку находил, что такие предприятия, хотя вначале и обещают большие надежды, но затем не приводят, как правило, к желанному успеху. При этом он ссылаясь на печальный опыт Беломорской компании, акционеры которой «совершенно лишились капитала, а сверх того кредиторы получили только по 8 копеек за рубль».

«Журнал мануфактур и торговли» довольно недвусмысленно намекал, что «при поощрении» царского правительства Брандт и Клоков могли бы проложить морской путь не только к Енисею, но и к устью Лены, а возможно, и до самого Берингова пролива и тем самым открыть сообщение через арктические моря из Атлантики в Тихий океан, на изыскание которого «англичанами издержаны многие миллионы без успеха». 5 января 1833 года царское правительство выдало Клокову и Брандту просимую ими привилегию.

Еще ранее Вильгельм Брандт с сыном обратился к главному командиру Архангельского порта Роману Романовичу Галлу с просьбой разрешить лейтенанту Кротову, подпоручикам Пахтусову и Казакову и кондуктору Крапивину принять участие в Северной экспедиции. В начале мая разрешение было получено.

Начальником Новоземельского отряда был назначен Пахтусов. Енисейский отряд возглавил Кротов. В подготовке экспедиции приняли активное участие М. Ф. Рейнеке и Ф. П. Литке. В частности, Литке по просьбе Клокова сформулировал основные положения инструкции для ученых-исследователей.

Пахтусов отправился на верфь купца Брандта на реке Маймаксе, где пробыл до тех пор, пока судно для экспедиции не спустили на воду. Судно строилось по плану, составленному Пахтусовым при помощи полковника В. А. Ершова, человека, сведущего в корабельном деле. Это был бот по типу большого беспалубного карбаса, длиной немногим более двенадцати метров,

а шириной около четырех метров. На носу и корме были сделаны небольшие каюты для команды, начальника экспедиции и его помощника. Там же предполагалось поместить провизию. Среднюю, открытую часть судна в дождливую погоду и во время сильного волнения следовало закрывать брезентами. На карбасе имелись две лодки. На таком судне Пахтусов должен был плавать среди льдов и волн Баренцева и Карского морей.

Петр Кузьмич одновременно укомплектовывал команду из людей добросовестных и физически здоровых. Такими, по мнению Пахтусова, были Василий Федотов, Егор Хаймин, Никифор Подгорный, Константин Родионов, Андрей Рахов, Николай Рудаков, Иван Гладкий и Семен Лечехин — крестьяне Архангельского, Мезенского, Холмогорского, Пустозерского уездов. Все они много плавали в Белом и Баренцевом морях и знали, что их ждет зимовка на Новой Земле, а вместе с нею и неизбежная спутница первых полярных экспедиций — цинга. В помощники Петр Кузьмич избрал кондуктора Корпуса флотских штурманов Николая Крапивина.

В инструкции, определявшей программу работ экспедиции, Пахтусову предписывалось следовать из Архангельска к северной оконечности острова Колгуев, затем, проверив счисление, направиться к южным берегам Новой Земли, пройти проливом Карские Ворота в Карском море и приступить к описи восточного берега острова. На тот случай, если в проливе встретятся непроходимые льды, разрешалось остановиться в Никольском Шаре и ждать улучшения ледовой обстановки. После удачного прохода в Карское море экспедиция должна была направиться к северу до 75—76° (до зимовки Баренца), а оттуда следовать, в зависимости от обстоятельств, либо к Енисейской губе, либо вокруг мыса Желания в Баренцево море, либо на юг вдоль восточных берегов острова.

В инструкции содержалось немало советов, как поступать в той или иной обстановке. Не было недостатка в ссылках на действия таких полярных исследователей, как Литке, Парри, Росс и Франклин. «Полагаю,— писал в заключение Клоков,— что Вы, имея в виду одну изъявленную мне в разговорах цель дойти до места зимовки Баренца, достигните оной, и никакие препятствия в опасности не поколеблят твердости духа Вашего... Я надеюсь, что правительство не оставит Вас без признательности своей, если в предназначенном Вам опасном пути, не теряя духа от неудач и преодолевая все затруднения, окончите Ваше предприятие с желаемым успехом».

Главная роль в предприятии отдавалась отряду, направляемому к устью Енисея. Цель экспедиции Кротова — исследовать условия плавания Маточкиным Шаром к устью Енисея. Одновременно необходимо было выяснить, «можно ли в августе и в первой половине сентября месяцев совершить сей путь с обратным плаванием к Архангельску», изучив при этом «удобства

или неудобства оно и что именно надлежит наблюсти при таком плавании».

Если по выходе из Маточкина Шара он встретит льды, препятствующие идти прямо к устью Енисея, в то время как путь к северо-востоку будет открыт, он должен следовать вдоль берега Новой Земли «с тем, не откроются ли возможности спуститься с северо-восточным ветром и течением сквозь льды к реке Енисею».

Необходимо отметить, что Клоков особо подчеркивал: если Пахтусов, подойдя к восточному устью Маточкина Шара, найдет Карское море свободным ото льда и обстоятельства будут благоприятствовать плаванию к сибирским берегам, то он должен будет прекратить опись Новой Земли и «плыть к Енисейской губе».

Пахтусову вменялось также сделать опись устья Енисея, где ему следовало остаться на зимовку, а следующим летом обследовать Карскую и Хайпутырскую губы, поскольку третье судно не удалось снарядить в столь короткий срок.

Таким образом, Северная экспедиция должна была пересечь в трех или, в худшем случае, в двух направлениях Карское море и при этом выполнить грандиозный план гидрографических исследований.

В инструкциях, выданных Пахтусову и Кротову, отмечалось, что если суда окажутся в ледовом плену, то путешественники не должны приходить в отчаяние. «Известно,— писал Клоков,— что льды несколько раз в течение года и в самых больших широтах переменяют свое положение, и в тех местах, где не лежат на дне, находятся от ветров почти в непрерывном движении».

Однако подготовленная Северная экспедиция едва не была отложена. Скоростижно умер купец Вильгельм Брандт, и было неизвестно, как его сын отнесется к затеваемому предприятию. Неделя прошла в томительном ожидании. К счастью, в Архангельск вернулся Клоков. Как видно из письма М. Ф. Рейнеке, «если бы Клоков не приехал, то Брандт сын не послал бы их (Пахтусова и Кротова.— В. П.). Клокову стоило труда выпроводить молодчиков».

1 августа Пахтусов вышел в море. Спустя несколько часов за ним последовал лейтенант Кротов.

Плавание в Белом море было опасным. Опустился густой туман. Крепкий ветер поднял сильную волну. Путешественникам пришлось искать убежища. Пахтусов направил судно к Терскому берегу и 5 августа вошел в небольшую мелкую, но хорошо защищенную от волнения бухту, называемую Девятым Становищем. В это время начался отлив, и спустя несколько часов бот оказался на суше.

Вечером 7 августа ветер утих, в полную воду выбрали якорь, и бот продолжал свой путь к северо-востоку. В полдень путешественники прошли в виду Канина Носа. Здесь команды расста-

лись. Шхуна «Енисей» направлялась к Маточкину Шару и дальше к берегам Сибири, бот «Новая Земля» по-прежнему следовал курсом на Карские Ворота. «С этой минуты,— писал Пахтусов,— в течение более года не встречали мы ни одного постороннего человека».

Между командирами судов было условлено, что Кротов, пройдя Маточкин Шар, оставит в зимовье Федора Розмыслова записку о своем плавании. Думал ли Пахтусов, что он не только не найдет записку, но и никогда больше не встретит своего товарища.

Весь следующий день дул слабый юго-западный ветер. Бот шел с небольшой скоростью, примерно 3—4 версты в час. Служители развлекались ловлей трески. К полуночи ветер засвежел и в течение 9 августа все усиливался и крепчал. Судно несло в четыре раза быстрее, чем вчера, и в то же время жестоко страдало от волнения. «Казалось,— писал Пахтусов,— что каждый входящий на нас вал старался покрыть судно наше своим гребнем, но бот наш, имея все лучшие качества мореходного судна, гордо рассекал валы и несся на хребтах их, не страшась ярости бури. Тут нельзя не изъявить признательности нашей г. полковнику В. А. Ершову, руководившему мной при составлении плана этого судна, равно исполнителю этого чертежа при постройке искусному в своем деле вольному корабельному мастеру В. Г. Хабарову».

Двое суток бот был во власти разбушевавшегося моря. Брызги проникали сквозь брезенты, вода грозила подмочить запасы провизии.

10 августа появились сначала отдельные льдины, а затем и большие поля. Волнение уменьшилось. По расчетам Пахтусова, где-то недалеко должна была находиться Новая Земля, но отсутствие видимости мешало рассмотреть ее очертания. Под вечер туман немного рассеялся, ветер разорвал облака и лучи солнца осветили берега острова.

Это была Новая Земля, в течение последних четырех столетий привлекавшая путешественников и остававшаяся не исследованной и не положенной на карту в большей своей части.

Однако пройти к острову оказалось делом нелегким. Всюду, насколько хватало глаз, был густой лед. Используя незначительные разводья, расталкивая льдины, экспедиция с большим трудом пробилась в губу Широциху, где судно отдало якорь. Первое знакомство с островом увенчалось удачной охотой на гусей, которые водились здесь в большом количестве. Петр Кузьмич с первых дней похода делил со своими спутниками невзгоды, лишения и радости. Он участвовал во всех самых трудных работах и питался вместе со всеми из братского котла.

Свирепые ветры не оставляли в покое экспедицию ни на один день, то и дело налетали шквалами, и судну грозила опасность быть выброшенным на берег.

12 августа, переждав очередной шторм, Пахтусов направился дальше к востоку и достиг района Бритвинных островов. Пролиты между ними и все пространство южнее их были забиты льдом. Экспедиция укрылась в Петуховском Шаре около Большого Оленьего острова. Носившийся в проливе лед часто беспокоил судно. Приходилось перетягиваться завозами и менять стоянки — и все это при сильном ветре, почти нулевой температуре, под проливным дождем и при тумане. В мокрой одежде, не имея возможности обсушиться и согреться, путешественники бдительно несли вахту и удачно уходили от ледяных громад, напиравших на маленькое судно.

16 августа Петр Кузьмич приказал спустить лодку и направился с двумя служителями на восток, чтобы разведать ледовую обстановку в окрестностях. Ему удалось добраться до юго-восточного берега Кусовой Земли. Здесь путешественников застигла темнота, и они остановились на ночлег в небольшой бухте. Это была первая ночь, проведенная Пахтусовым на Новой Земле под открытым небом. Термометр показывал ниже нуля. Над головой плыли черные облака, сея хлопья снега, свежий ветер проникал под брезент, которым укрылись путешественники. Было неуютно и холодно.

На следующий день, сделав опись окрестностей, Пахтусов вернулся на судно. Лды разредились, можно было идти вперед с описью берегов. Работа шла успешно.

В течение нескольких дней экспедиция пыталась проскользнуть в Карское море. Выжидая улучшения ледовой обстановки, Пахтусов занялся описью южного берега Новой Земли.

21 августа удалось пройти в губу Логинова. Но дальше снова были льды. Опять последовала длительная вынужденная остановка. Экспедиция пребывала в бездействии; постоянная непогода мешала заниматься обследованием окрестностей. «Частые неудачи в описи от туманов, дождей и большей частью от льдов делали положение наше для меня несносным,— писал Пахтусов.— Мысль, что, несмотря на раннее еще время, придется нам зимовать, не увидев восточного берега, меня крайне беспокоила. Только примеры предшествовавших экспедиций в полярные страны несколько ободряли меня. Я знал, что и в позднюю осень Карские Ворота бывают иногда чисты от льда».

Однако лед не только держался в проливе, но все больше заполнял губу Логинова. Пришлось искать нового убежища. Укрыв карбас за небольшим островком, Пахтусов на лодке направился на восток для осмотра берега и льда. В губе Каменке он нашел старую избу, выстроенную более 70 лет назад кормщиком Ивановым. Бревна сруба погнили. Потолки провалились. И все-таки Пахтусов был чрезвычайно рад находке. В том тяжелом, почти безвыходном положении, в котором находилась экспедиция, эта ветхая изба могла сослужить ей добрую службу. Вернувшись на судно, Пахтусов решил «заняться собиранием по берегу выкид-

ного лесу на пространстве 15 верст для постройки становой избы и бани». «Столь раннее приготовление к зимовке может быть поставлено мне в вину,— писал Пахтусов,— но я полагаю, что во всякое время, благоприятное для продолжения описи, гораздо легче выкидывать из судна дрова и лес, чем запастись ими в случай крайней нужды».

Шли дни. Ледовая обстановка не улучшалась. Температура воздуха держалась на нуле. То шел дождь, то сыпалась морось, то стоял густой туман. Заниматься описью берегов и островов в губе Логинова не было возможности. Свежим ветром лед сильно нажало на берег. Сплоченность льдин была так велика, что даже на легкой небольшой лодке нельзя было пройти между ними. Заготовку дров и леса пришлось прекратить.

28 августа посланные Пахтусовым на поиски прохода в губу Каменку трое служителей возвратились с известием, что лед несколько развело. Экспедиция двинулась на восток, но вскоре опять остановилась.

С каждым днем надежда проникнуть в Карское море к восточному берегу Новой Земли таяла. Надо было немедленно начинать подготовку к зиме.

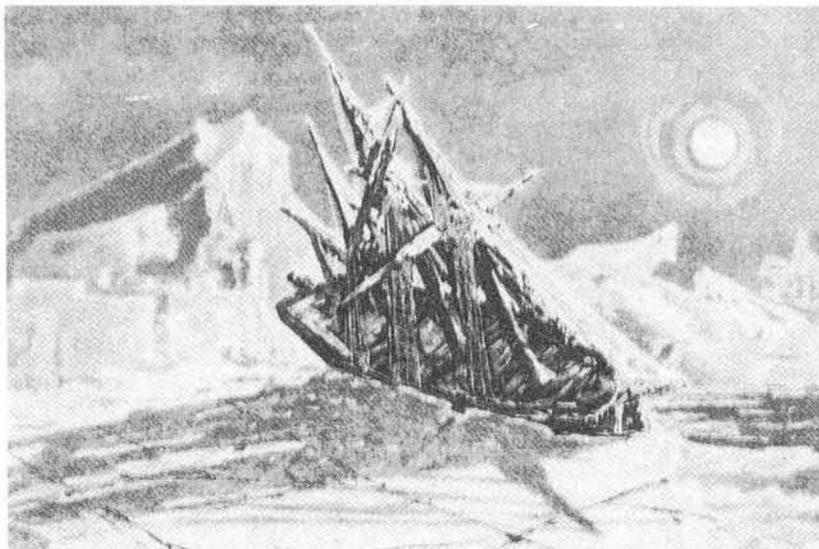
30 августа Пахтусов отправил трех рабочих к развалинам избы. Они должны были набрать мха для закладки в пазы между новыми бревнами и вынести из избы землю, обрушившуюся на пол вместе с прогнившим потолком.

В этот же день западным ветром стало выносить лед из губы Логинова. Переждав ночь, Пахтусов приказал поднять якорь. Ветер был очень слабый, поэтому паруса не ставили, а бот тащили бечевой. Шесть часов потребовалось на то, чтобы пройти между льдами две версты.

Добравшись до губы Каменки, Петр Кузьмич отправил часть команды под начальством кондуктора Крапивина на опись берега. Другая часть вместе с начальником экспедиции занялась устройством зимовья. Для ремонта избы потребовалось не меньше тринадцати крепких бревен. Имелось всего шесть. Пришлось прекратить опись берегов и, пока не настала зима, всей командой заняться сбором леса по берегам заливов и бухт.

16 сентября экспедиция перебралась в зимовье. Пахтусов распорядился вытащить бот «Новая Земля» на берег и всем переселиться в избу. Туда же были доставлены запасы продовольствия, а также инструменты и приборы.

Изда мало годилась для жилья в долгую арктическую зиму. Стены дома были срублены частью из старых полусгнивших бревен, а частью из мокрого плавника. Почти все свободное пространство занимали нары и печка. Из-за недостатка досок пола не делали. Крышу соорудили из досок, предусмотрительно захваченных из Архангельска. Правда, между Клоковым и Пахтусовым было условлено, что для путешественников промышленник Гвоздарев доставит в восточное устье Маточкина Шара

Корабль, затертый льдами и брошенный экипажем

разборный дом, но до Шара было далеко и, как впоследствии выяснилось, Гвоздарев не смог туда пройти и оставил бревна на западном берегу Новой Земли.

Рядом с избой путешественники построили баню. Она соединялась с жилищем коридором, сооруженным из бочек, весел и парусов. В нем для предохранения от сырости держали продовольственные запасы, инструменты и теплую одежду.

С 19 сентября Пахтусов организовал первые на Новой Земле инструментальные наблюдения за температурой и давлением воздуха. Кроме того, в метеорологическом журнале через каждые два часа отмечались разные атмосферные явления. Наблюдения вели Пахтусов и Крапивин.

Петр Кузьмич с первых дней установил строгий распорядок в зимовье. Он разбил команду на вахты. Обязанностью вахтенных было смотреть за судном и коридором, поддерживать ночью огонь в печке. Свободным от дежурства членам экспедиции разрешалось спать лишь ночью и не больше 8 часов в сутки. Зная, что отсутствие занятий вредно сказывается на настроении и здоровье команды, Пахтусов занимал служителей всевозможными работами по устройству зимовья. В погожие дни устраивались прогулки на свежем воздухе. Когда шел снег или бушевала метель, служители мастерили кулемы и пасти для ловли песцов, приводили в порядок одежду, чистили оружие, пели песни.

Готовясь к приближавшей зиме, Пахтусов с тревогой наблюдал за состоянием льда в море. Он по-прежнему держался

в проливе сплошной массой. Неужели пустозерские промышленники ввели его в заблуждение, убеждая, что Карское море «бывает безледно»?

Однажды, осматривая окрестности губы Каменки, Пахтусов на небольшом острове среди плавника обнаружил толстое еловое дерево. Оно, по-видимому, было совсем недавно выброшено на берег. Кое-где на нем сохранилась кора, значит, оно не так уж долго находилось в море. Но самое, пожалуй, интересное состояло в том, что дерево находилось почти в пяти метрах от уреза воды. Каким образом оно оказалось на такой высоте? Приливы здесь незначительны, льды останавливаются на мели и не достигают берега. Следовательно, совсем недавно Карское море было свободно ото льдов. В это время разыгрался жестокий шторм, и волны выбросили ель на берег. Итак, пустозерские промышленники были правы.

Это открытие окрылило Пахтусова. Теперь он был уверен, что его рискованное предприятие завершится успехом.

Между тем наступала зима. Часто выпадал снег. Губа Каменка покрылась льдом. Морозы достигали 10—15°, но они не страшны: в избе было тепло. Досаждала лишь сырость. На одежде и книгах была плесень. Проветривание почти не помогало. Сырость увеличивалась еще оттого, что печь топилась по-черному и дверь в избу долго приходилось держать открытой.

Пахтусов отлично знал по опыту прежних экспедиций, что грязь и неопрятность способствуют появлению цинги, и заботился о том, чтобы его спутники содержали жилище в чистоте. Каждую субботу зимовщики мылись в бане, а белье меняли два раза в неделю. В конце сентября юго-западными ветрами пролив очистило, и Карское море до самого горизонта оказалось свободным ото льда.

И как ни досадовал Пахтусов на то, что экспедиция еще долго не сможет продолжить плавание, ему важно было убедиться, что при продолжительных западных ветрах льды действительно уходят далеко от восточного берега Новой Земли. Это подтверждается записью в «Дневных записках», сделанной спустя два месяца. Забегая вперед, отметим, что в ноябре лед ушел от берегов за горизонт. Такое положение продолжалось 18 дней. Если бы не морозы со свирепыми вьюгами и не полярная ночь, экспедиция могла бы описать восточный берег Новой Земли на большом протяжении. «Теперь, — отмечал Пахтусов в дневнике 2 декабря 1832 года, — в полной мере убедился я, что Карское море иногда бывает совершенно свободно ото льда, в чем при начале покушений наших с 13 августа по 13 сентября начал было я сомневаться, встречая на каждом шагу непреодолимые препятствия ото льда».

В начале октября разыгрался шторм. Петр Кузьмич узнал о его приближении по сильному падению барометра и распорядился укрепить крышу сеней и проверить, далеко ли от воды

находится судно. Поднявшийся ветер взломал лед в губе Каменке. Вода прибывала очень заметно, и судно начинало бить о замерзшее дно. Не хотелось оставлять избу во время непроглядной метели, но пришлось подтащить судно еще выше на берег. Во время этой вылазки один из рабочих упал с утеса высотой около шести метров. Его исчезновения не заметили, он же с большим трудом выбрался из-под обрыва и дополз до зимовья.

Октябрь прошел без особых происшествий. Птицы улетели. Путешественники остались наедине с белыми медведями и песцами.

День становился все короче. Солнце даже в полдень едва поднималось над горизонтом. И вот наступил момент, когда оно не взошло вовсе. Пришла полярная ночь. Морозы усилились, достигая порой 32 градусов.

Зимовщиков часто навещали медведи. Некоторые из них проходили недалеко от избы, другие рисковали заглядывать в сени, где хранились запасы провизии, и пытались лакомиться ворванью из стоявшей там бочки. Моряки палили в них из ружей, не причиняя, однако, большого ущерба зверям, которые несколько раз уходили целыми и невредимыми. Медведи мешали охоте на песцов. Они обходили поставленные путешественниками кулемы, съедали и приманку, и добычу, часто при этом ломая ловушки.

Весь ноябрь и декабрь море было свободно ото льда. Сильные ветры нагоняли много воды в губу Каменку. Чтобы волны не били судно о камни, его спустили на воду и укрыли в майну. Однажды был такой сильный ветер, что лодку и лежавший под ней челн унесло и сбросило в море. Челн разбился в щепки, а лодка изрядно пострадала. У экспедиции не было ни нужных инструментов, ни досок. Однако жестокая нужда сделала путешественников изобретательными. Вся команда во главе с начальником и его помощником трудилась в поте лица над исправлением лодки, без которой невозможно было осуществить описные работы в полном объеме.

Наступил новый 1833 год. Глухая полярная ночь все еще лежала над Новой Землей. Но зимовщикам было приятно думать о том, что в более южных широтах, где каждые сутки светит солнце, день начал прибывать. Солнце на лето — зима на мороз. Пройдет неделя, другая — и солнечные лучи прорежут ночной сумрак.

Первую половину зимовки Пахтусов и его спутники перенесли благополучно. Правда, отсутствие свежего мяса, жизнь в тесной избе, в которой можно было находиться только или сидя, или лежа на нарах, подточили силы путешественников. Все они побледили, осунулись, хотя на здоровье никто не жаловался. Лишь у матроса Рудакова на ногах появились небольшие язвы и на теле — красные пятна. Однако больной не унывал, развлекал товарищей остроумными шутками и непременно старался участвовать во всех работах, даже самых трудных.

Каждые сутки проходили в борьбе с природой. То и дело бушевали снежные ураганы, грозя унести или засыпать убежище путешественников. Держались лютые морозы. Печь в зимовье приходилось топить непрерывно. Заметно уменьшались запасы дров, и вот кончились. И тогда служители вместе с Пахтусовым отправились за несколько верст от губы Каменки, чтобы достать плавник из-под снега. Не оставляет в покое зимовщиков и самый немилосердный враг — цинга. Уже несколько недель Василий Федотов, отставной матрос, жалуется на слабость. У рабочего Никифора Подгорного опухло колено правой ноги. Николай Рудаков, хотя и жизнерадостен, однако заметно, что он сильнее обычного страдает от язв на ногах. Пахтусов с помощью лечебника Каменецкого самостоятельно врачует больных. Лечение проходит успешно. Больные выздоравливают. По-видимому, пример начальника, не сторонящегося черной работы и требовательного к себе, благотворно действует на подчиненных. Вчерашние больные, едва встав с постели, берутся за легкие работы в зимовье.

Но вот в полдень стало заметно светлеть. Потом заалела заря. И наконец наступил день. День появления солнца над горизонтом был точно высчитан Пахтусовым.

8 января зимовщики высыпали из избы. Падая крупный пушистый снег, застилая белой пеленой окрестности. Было тихо, только со стороны губы Каменки доносился шум набегавших на берег волн (море снова было свободно ото льда). Прошло несколько минут. Снег перестал падать, и вдруг из-за черной тучи, отороченной золотой бахромой, появился огромный красный диск солнца. Еще мгновение — и его лучи заискрились на ослепительно белом снегу, заиграли красными бликами на вспененных верхушках волн в море. Полярная ночь, продолжавшаяся 65 суток, кончилась!

Началась подготовка к весенним исследованиям.

8 апреля 1833 года Пахтусов с четырьмя спутниками оставил зимовье и отправился на юго-запад, чтобы уточнить опись Никольского Шара, выполненную осенью минувшего года в ненастную погоду. Провизию и теплую одежду везли на санях. Ночевали в ямах, вырытых в снежных сугробах. Работы здесь были сделаны. Но успех достался дорогой ценой. Все пятеро участников похода возвратились в зимовье с больными глазами. Через две недели снежная слепота прошла, и Пахтусов начал готовиться продолжать работы.

21 апреля вблизи зимовья заметили первых птичек, прилетевших с юга. Это были подорожники — вестники близкой весны. Спустя несколько дней Пахтусов снова оставил зимовье и направился к Петуховскому Шару, где открыл огромный залив и назвал его именем капитана Рейнеке, «под лестною командою коего прослужил 5 лет при описи и промере Белого моря».

На пятый день работ поднялся сильный ветер со снегом. Лю-

ди, производившие опесь со льда, вынуждены были укрыться под прибрежным утесом одного из островов Петуховского Шара. Убежище оказалось неудобным: с вершины утеса падала вода. Путешественникам предстояло сделать выбор: либо промокнуть до костей, затем обледенеть и замерзнуть, либо оставить убежище и лечь на снег.

Ветер дул с необыкновенной силой. «Невозможно было не только предпринять дальнейший путь, но даже стоять на ногах... почему мы и принуждены были лежать... на снегу, не имея возможности даже и говорить между собой». Прошел день, второй, наступил третий, а снежная буря все продолжалась.

Но вот ветер ослаб. Можно было встать на ноги и с большим трудом, но продвигаться вперед. Глубокой ночью Петр Кузьмич разыскал примеченное им ранее бревно. Путешественники развели костер, согрели чай и подкрепились жалкими остатками сухарей. Спать не ложились, опасаясь замерзнуть. Отряд направился к Никольскому Шару, где лежал запас провизии, а вечером следующего дня возвратился в зимовье. Наутро все, кто ходил к Петуховскому Шару, заболели простудной лихорадкой. В особенно тяжелом положении был Пахтусов. Он пролежал в постели более трех недель.

В это время экспедиция потеряла двух своих членов: цинга унесла Василия Федотова и Никифора Подгорного.

Поправившись, Пахтусов занялся описью берега к северу от зимовья и довел ее до реки Кумжи. А весна вступала в свои права. Шел перелет птиц. Теперь путешественники имели вдоволь свежего мяса. Температура держалась выше нуля.

В середине июня сильными южными ветрами взломало припайный лед и унесло за горизонт. Лишь кое-где плавали отдельные льдины. Однако в губе Каменка еще стоял зимний лед толщиной 14 вершков (около 70 сантиметров). Пахтусов не мог ждать, когда лед в губе разрушится и судно сможет выйти в плавание. Взяв месячный запас провизии и двух рабочих в помощники, Петр Кузьмич на лодке вышел в море, чтобы описать восточный берег Новой Земли. Плавание это оказалось чрезвычайно трудным и опасным. Лодка была так мала, что при боковом ветре невозможно было идти под парусами. Кругом плавали льды, задерживая порой движение на север на несколько дней. Но каждый день Пахтусов наносил на карту десятки верст восточного берега острова.

В тридцати верстах к северу от реки, названной именем подпоручика Казакова, отправившегося с лейтенантом Кротовым к устью Енисея, Пахтусов нашел разрушенную избу и поваленный бурями древний крест. На нем была надпись:

ПОСТАВИЛИ СЕЙ ЖИВОТВОРЯЩИЙ КРЕСТ, НА ПОКЛОНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТИАНАМ, ЗИМОВЩИКИ, 12 ЧЕЛОВЕК, КОРМЩИК САВВА Ф...АНОВ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ, ПО ПРАВУЮ СТОРОНУ КУСОВА НОСА

Ниже стояла дата, свидетельствующая о том, что крест поставили 9 июня 1742 года. «Около надписи фамилии выветрела трещина дерева,— писал Пахтусов,— так что в промежутках между Ф и А можно поместить два или три слова (букву), например ОФ и ЕОФ и таким образом составится Фофанов или Феофанов. Нельзя сомневаться, что это тот самый Савва, который обошел Новую Землю кругом около мыса Доходы. Хотя предание называет его Лошкиным, но эта разница в прозвище могла произойти от двух причин: или Савва имел две фамилии — Лошкин и Фофанов, или вырезывавший надпись на кресте из уважения к своему кормищику назвал его по отчеству Феофановым».

Пахтусов ошибся, приписывая обнаруженный им крест Савве Лошкину, так как последний обошел Новую Землю двумя десятками лет позже, а именно в начале 60-х годов XVIII века. Но независимо от этого находка Пахтусова представляла несомненный интерес. Она свидетельствовала о том, что русские промышленники в первой половине XVIII века занимались охотой на зверя в Карском море и оставались на зиму на берегах Новой Земли.

Обнаруженная изба находилась вблизи большой реки, которую Пахтусов назвал Саввиной в честь Лошкина.

В этом месте остановились на отдых. При заходе в реку на бурунах лодка зачерпнула бортом много воды, поэтому провизия и платье оказались подмоченными. Пришлось прекратить опись, чтобы обсушиться. Но сделать это было не так-то легко: все время шел густой снег. Провизии оставалось всего лишь на 10 дней. Частые дожди, снегопады и сильное волнение мешали исследованиям и затрудняли плавание к Маточкину Шару, которого Пахтусов первоначально предполагал достигнуть на шлюпке. К тому же Петра Кузьмича беспокоило положение той части команды, которая осталась в губе Каменке. Там вместе с Крапивинным находилось четверо рабочих, двое из них были больны. Трудно предполагать, что они смогут оснастить судно и спустить его на воду. Пахтусов решил возвратиться к зимовью. Поставив на месте последней остановки знак из плавника, он 5 июля направился в обратный путь и через три дня достиг губы Каменки.

Крапивин был очень обрадован возвращением начальника. Он подготовил карбас к выходу в море, но был в большом затруднении из-за тяжелого состояния больных. Лед в губе Каменке взломало, но он продолжал держаться и не пропускал судно в море. 11 июля команда простилась с жилищем, в котором провела 297 дней. По неписаному закону пустыни, свято почитаемому промышленниками, путешественники оставили в зимовье огниво, растопку, дрова, около полутора пудов муки и фунтов двадцать печеного хлеба.

Промерив глубины в губе Каменке, Пахтусов попытался

направиться к северу. Но порывы встречного ветра не давали возможности лавировать между льдами, и Петр Кузьмич вынужден был спуститься в губу Логинова, чтобы переждать непогоду. Между тем ветер все усиливался. Льдом море покрылось вплоть до горизонта. Судно оказалось в ловушке.

Пока пролив в Карские Ворота был забит льдом, Петр Кузьмич занялся уточнением съемки губы Логинова, выполненной зимой, когда трудно было точно определить, где, собственно, кончается пологий берег и начинается занесенный снегом лед. Раньше Пахтусов полагал, что это не губа, а пролив, и сейчас удостоверился в своей ошибке.

17 июля 1833 года юго-западный ветер очистил Карские Ворота ото льда. Однако, как ни стремился Пахтусов в Карское море, нужно было отложить отплытие, так как спустился густой туман и закрыл окрестные берега. Утром следующего дня, когда видимость улучшилась, выбрали якорь и направились к северу. 19 июля карбас достиг устья реки Саввиной. На другой день экспедиция возобновила описные работы, тщательно определяя берег последовательными пеленгами и нанося на карту даже самые незначительные его изгибы. 21 июля был открыт, а затем положен на карту обширный, окруженный горами залив, который получил имя замечательного исследователя Новой Земли и выдающегося мореплавателя капитана Литке.

Восточным ветром к берегам прижало лед, лед набивался и в залив. Экспедиция оказалась в ловушке. Жестокий ветер порой достигал такой силы, что невозможно было удержаться на ногах. Шел дождь, часто бывали туманы. Каждый день люди ждали, что ветер переменит направление с северо-восточного на юго-западное и отожмет льды от острова. Но прошла неделя, десять дней, а льды по-прежнему не выпускали судно.

Близилось к концу полярное лето. Экспедиции угрожала новая зимовка на Новой Земле. Вот что записал Пахтусов в дневнике 1 августа 1833 года: «Непостоянный ветер от востока удерживал льды в устье залива, а следовательно, и нас взаперти. В этот день ровно год назад я простился со своими родными и друзьями в Архангельске, и это воспоминание усиливало неприятность нашего положения; быть запертым льдами в небольшой губе, находиться в бездействии и, признаюсь, в страхе зимовать на месте — неутешительно. Зная, однако, что отчаяние — первый повод к неудачам и всегда ведет за собою самые бедственные последствия, я старался скрывать мои опасения от товарищей моих и даже от самого себя».

Восемнадцать дней провела экспедиция в ледовом плену в заливе Литке. 8 августа судно снова вышло в открытое море и направились на север. 12 августа экспедиция возобновила описные работы. Залив, покрытый зимним невзломанным льдом, Пахтусов назвал именем Шуберта. Затем были открыты еще два залива, покрытых льдом. Пахтусов присвоил им имена Клокова

и Брандта. В этот же день экспедиция зашла в пролив Маточкин Шар. Здесь на мысе Дровяном должен был оставить записку о своем плавании лейтенант Кротов, направлявшийся к устью Енисея, но Пахтусов не нашел никаких признаков пребывания участников экспедиции в условленном месте. «Итак,— писал Пахтусов в дневнике,— нам первым после Лошкина удалось обойти Южный остров Новой Земли. Это радовало нас; но с того дня не переставала преследовать меня грустная дума об участи моих енисейских товарищей: меня тревожила мысль, почему они не исполнили условия».

Экспедиция простояла в восточном устье Маточкина Шара три дня. Все это время дул западный ветер, который отодвинул в море лед за горизонт. Пахтусов был в нерешительности, продолжать ли опись дальше к северу или возвратиться в Архангельск. Ему «было жаль и совестно оставить берега, никем не осмотренные». В то же время было ясно, что продолжать опись к северу от Маточкина Шара — значит решиться на вторую зимовку в Арктике, более суровую, чем в губе Каменке. Для второй зимовки у него не было запасов продовольствия. Здоровье членов экспедиции расшаталось. Вместо восьми рабочих у Пахтусова было шестеро, причем двое тяжелобольных. При таких условиях вторая зимовка должна была закончиться плачевно для экспедиции и привести к гибели ее участников и добытых материалов.

Пахтусов отмечал в дневнике, что если ему не удастся со временем продолжить работы по описи восточного берега Новой Земли, то будущие путешественники непременно завершат их.

17 августа экспедиция направились проливом на запад.

Через несколько часов Пахтусов достиг губы Белушьей, где находилось зимовье Федора Розмыслова, впервые описавшего пролив Маточкин Шар. Изба, в которой 64 года назад зимовал отважный исследователь Новой Земли, почти совсем развалилась. Другое зимовье — на мысе Дровяном (здесь жила его команда) — было в сносном состоянии и могло сослужить добрую службу путешественникам или промышленникам. С благоговением осмотрели путешественники оба пристанища экспедиции на Новую Землю, восемь участников которой навсегда остались на берегах пролива Маточкин Шар.

Пахтусова все сильнее охватывала тревога. Он не нашел в условленном месте ни следов Кротова, ни следов Гвоздарева, которому было поручено привезти сюда избу для экспедиции Пахтусова.

Карбас Пахтусова после полуночи достиг мыса Бараний, астрономически определенного Литке. В это время из-за облаков проглянуло солнце, и Петр Кузьмич решил съехать на берег в надежде, что ему удастся взять нужное число высот солнца и связать свои долготы с местом, положение которого уже было известно. Однако едва высадились на мысе, как густые облака

Архангельские полярные мореходы

затянули горизонт, спустился туман, и путешественникам пришлось вернуться на судно.

В полдень 18 августа экспедиция достигла губы Староверской и остановилась вблизи реки Маточки, оказавшейся неглубоким ручьем. На берегах ее нашли ветхую промысловую избу, четыре истлевших поморских карбаса и несколько крестов.

На следующий день погода улучшилась. Пахтусов проверил ход и показания хронометра. Пока он определял координаты стоянки, чтобы сверить свои долготы с долготами Литке, команда запасалась дровами и пресной водой. Экспедиции предстояло пройти несколько сот миль от Маточкина Шара до Архангельска. 20 августа карбас направился на юго-юго-запад. Светило солнце, течение и ветер были попутные. Но вдруг налетел шквал. «Наше положение,— писал Пахтусов в дневнике,— было картинно, но, конечно, незавидно. Представьте себе среди необозримого океана под небом, покрытым черными тучами, маленький наш бот, осыпaeмый брызгами волн, то сильно кидаемый на хребет вала, то поглощаемый бездною... Не умею дать отчета, почему, но мне нравилось разъяренное море, и я не заботился о том, скоро ли смягчится буря, быстро несшая нас к югу».

Карбас шел параллельно берегу Новой Земли, стараясь не удаляться в море на случай бури, хотя плавание у берегов в пасмурную погоду, а тем паче ночью, было небезопасно.

21 августа экспедиция потеряла служителя Николая Рудакова. Покойника по принятому на флоте обычаю похоронили в море.

Между тем ветер все усиливался, разводя «ужасное волне-

ние». Снова начался шторм, и опять беспалубное суденышко выдержало свирепый натиск бури.

В ночь на 24 августа ветер стих, и на чистой от облаков половине неба заиграло изумительное по своей красоте северное сияние. Светлые столбы, переливаясь многими цветами, то пробегали от земли ввысь, то вдруг разливались огненными полосами по горизонту. Так продолжалось два часа, затем все угасло, и наступила темнота, в которой нельзя уже было ничего различить. Когда рассвело, путешественники увидели, что находятся у северной оконечности острова Колгуев. Около его берегов в поисках убежища они блуждали три дня, но все речки оказались засыпанными выброшенным на берег песком. Ветер по-прежнему был крепкий. Оставаться в открытом море, по словам Пахтусова, было «не только неприятно, но и опасно».

Петр Кузьмич решил идти к хорошо знакомому ему Тиманскому берегу. Засветло он достиг Русского Заворота и приказал отдать два якоря, чтобы переждать ночь и утром направиться в устье Печоры. Здесь команда должна была немного отдохнуть и запастись свежей пищей. Однако при первой попытке зайти в устье Печоры судно село на банку, с которой удалось сняться только утром следующего дня. Через несколько часов бот, подгоняемый ветром, снова наскочил на мель. Разбушевавшиеся волны били судно о песчаное дно. Казалось, гибель неизбежна.

Сильно потрепанный волнами, карбас трещал и скрипел, люди, большие цингой, были измучены многодневным штормом. Чтобы спасти команду и журналы экспедиции, Пахтусов в небольшом заливе, где прибой был менее силен, чем в других местах, направил судно прямо к берегу. Кондуктору Крапивину и двум рабочим, первым выскочившим из карбаса, удалось якорями на некоторое время удержать судно. Этого было достаточно, чтобы спустить на берег людей и спасти журналы, карты и инструменты.

Экспедиция нашла приют у местных промышленников. Когда шторм утих, исправили залитый водой бот, получивший несколько пробоин.

12 сентября Пахтусов снова был в пути. Продолжать плавание к Архангельску из-за плохого здоровья людей и плачевного состояния судна было невозможно. Пахтусов держал курс на Печору. В деревне Куе, расположенной в 50 верстах от Пустозерска, Пахтусов разоружил бот, и, сдав команду Крапивину, выехал на оленях в Архангельск, куда прибыл через 52 дня — 20 ноября 1833 года.

А 2 декабря 1833 года Ф. П. Литке послал небольшую записку М. Ф. Рейнеке. «Вам, вероятно, приятно будет слышать, любезный Михаил Францевич, что Пахтусов благополучно воротился в Архангельск, обойдя восточный берег южной половины Новой Земли. Клоков прислал мне копию с его рапорта, которого я, однако же, Вам и не дам, покуда Вы сами ко мне не приедете. Видно, Вас иначе к себе не заманишь».

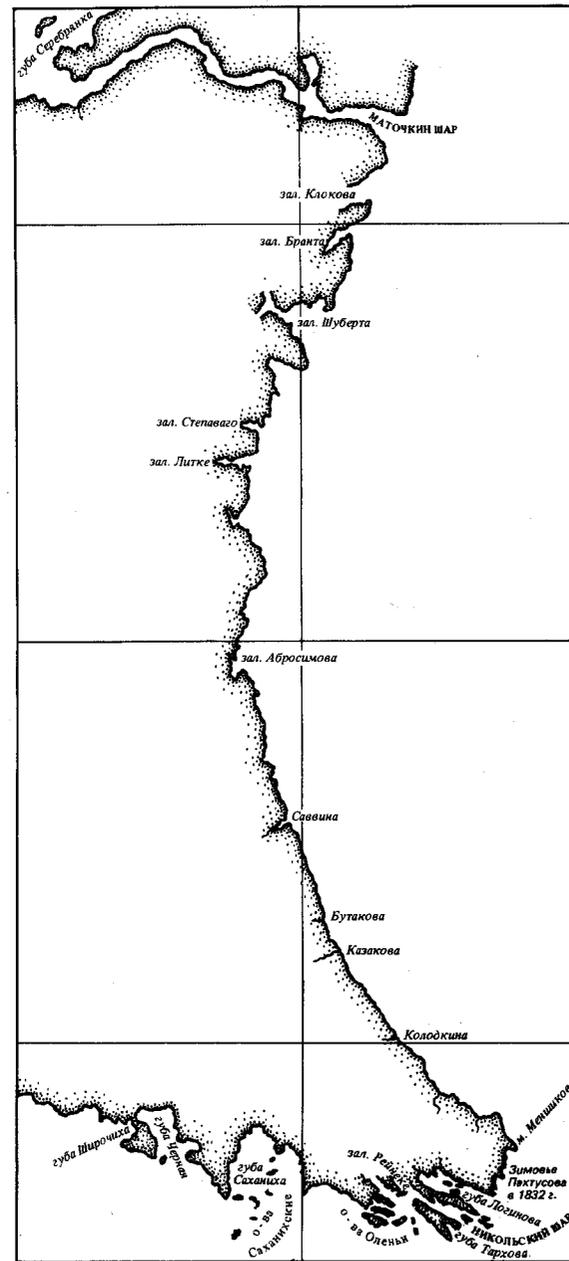
Так стало известно, что Пахтусов выполнил только часть возложенного на него Клоковым поручения. Ему не удалось совершить плавание к устью Енисея и описать его, исследовать Карскую и Хайпутырскую губы. Но то, что он сделал, было выдающимся вкладом в изучение Русского Севера. Так его подвиг оценил Рейнеке, относившийся с явным скептицизмом к чрезвычайно обширным и недостаточно реалистичным планам П. И. Клокова.

В январе 1834 года Пахтусов прибыл в Петербург. Успех его в описи восточного берега Южного острова Новой Земли вызвал интерес в Гидрографическом депо, которым в это время руководил известный русский гидрограф Ф. Ф. Шуберт. Тем более, что «научные консультанты» Северной экспедиции Рейнеке и Литке находились в это время в Петербурге и позаботились о том, чтобы это блестящее плавание было не только оценено по достоинству, но и нашло продолжение в снаряжении новой экспедиции. В то время как Брандт-сын не проявлял интереса к продолжению исследований, его компаньон (по снаряжению Северной экспедиции) Клоков изъявлял готовность снова отправить «шхуну с карбасом» для того, чтобы продолжать опись Новой Земли, и на поиски шхуны лейтенанта Кротова, судьба которой «остается и поднесь в неизвестности». Но при этом он предлагал передать безвозмездно Гидрографическому депо свои суда, чтобы «они были исправлены и вооружены за счет казны».

Ф. Ф. Шуберт поставил в известность об этом предложении начальника Морского штаба А. С. Меншикова, сообщив, что «рвение же Пахтусова продолжить опись восточного берега Новой Земли в нем остается не переменным, которое может принести для географии желаемую пользу, а соотечественникам честь».

Эти обстоятельства, по словам Шуберта, убеждают его в необходимости представить «двойное предложение продолжить исследования Новой Земли — одно за счет казны, а другое от компании с помощью казны».

По плану Пахтусова, новая экспедиция должна состоять из 10 матросов, 6 промышленников, кондуктора и начальника. Общая ее смета составляла 11 826 рублей (кроме «регламентных провизий, провианта, довольствий офицеров и нижних чинов по существующим положениям и бывшим примерам»). Шуберт считал возможным для снаряжения экспедиции «обратить 7200 рублей, находившиеся в остатках от Беломорской экспедиции и от «промера между Кронштадтом и Лисьим Носом», а недостающую сумму взять из ассигнований Морского министерства. «Но если не предвидится к тому ныне возможности, то можно будет взять заимообразно из суммы, ассигнованной Гидрографическим депо на выписку инструментов для продажи морским офицерам».

Первая карта восточного берега Новой Земли

Безусловно, Гидрографическое депо, где не последнее слово принадлежало Литке и Рейнеке, стремилось к тому, чтобы новая экспедиция была снаряжена полностью за счет казны, а ее начальник со своими спутниками пользовались всеми теми льготами, которые некогда были предоставлены Врангелю, Анжу и другим полярным исследователям.

Но обращает на себя внимание та осторожность, то обилие оговорок, которыми сопровождается представление о снаряжении экспедиции. Все сильнее ощущается, что Морское министерство решительно стало на путь свертывания полярных исследований, от которых через несколько лет оно вовсе откажется. Рейнеке позже будет с горечью писать Н. А. Бестужеву о том, что «наш Север от Архангельска до Новой Земли теперь забыт».

Хотя Шуберт считал необходимым отправить П. К. Пахтусова не позже 15 апреля 1834 года из Петербурга в Архангельск, на деле начальник Морского штаба только 2 мая доложил Николаю I «двойное предложение» об описи Новой Земли. В этот день А. С. Меньшиков сделал пометку на своем докладе: «Высочайше позволено принять экспедицию за счет казны».

Пока Гидрографическое депо хлопотало о снаряжении экспедиции, Пахтусов все свободное время отдавал изучению ботаники, минералогии и зоологии, чтобы в предстоящем плавании собрать коллекции по этим отраслям науки и передать их в Академию наук и Ботанический сад.

В инструкции, которой Гидрографическое депо снабдило Пахтусова, главной задачей экспедиции была поставлена опись юго-восточного берега Северного острова Новой Земли, «доселе никем не осмотренного». В этом случае, если в Маточкином Шаре лед не вскрылся, Пахтусову разрешалось попытаться пройти с севера Новую Землю и спуститься на юг Карским морем вдоль восточных ее берегов «для осмотра, не имеется ли по сим направлениям каких-либо неведомых еще островов».

Кроме выполнения гидрографических работ, экспедиция должна была собирать сведения по естественным наукам. «Усердие Ваше, оказанное при описи восточного берега Южного острова Новой Земли,— говорилось далее в инструкции,— ручается, что вверяемая Вам ныне экспедиция увенчана будет желаемым успехом,— тем более, что пользу сего путешествия Вы постигнете в полной мере».

26 мая 1834 года Пахтусов, получив нужные инструменты, выехал из Петербурга. Через неделю он был в Архангельске и послал рапорт о том, что «шхунер привел к порту, карбас же еще из Холмогор не прислан». 15 июня Пахтусов принял суда: шхуну, названную именем лейтенанта Кротова, и карбас, получивший имя Казакова, помощника командира на судне «Енисей».

Вторая экспедиция Пахтусова была снаряжена лучше, чем первая. Начальник мог выбирать продовольствие и одежду по

своему усмотрению. Пахтусов воспользовался этим дозволением и запасся большим количеством противочинготных средств и теплыми ненецкими малицами. Кроме того, пожертвовав вакансиями двух промышленников, он добился назначения в экспедицию фельдшера Чупова. Экспедиция состояла из 17 человек. Шхуной «Кротов» командовал Пахтусов, а карбасом «Казаков» — кондуктор Циволька.

24 июля 1834 года суда отплыли из Архангельска.

4 августа миновали Канин Нос. На переходе между островом Колгуев и Новой Землей во время шторма суда разлучились. В 9 часов вечера 9 августа Пахтусов зашел в устье губы Широцихи и приказал палить из пушки через каждый час, но никто ему не ответил. Тогда начальник экспедиции решил идти в Костин Шар. 21 августа в устье реки Нехватова встретили промышленников, которые сообщили, что Циволька лишь вчера оставил эти места и направился к северу. Отсюда Пахтусов отправил рапорт в Управление генерал-гидрографа Главного морского штаба. Он изложил в нем ход плавания и сообщил, что направляется к северу, надеясь соединиться с карбасом, что больных нет и все обстоит благополучно.

26 августа достигли устья Маточкина Шара. На следующий день сюда пришел Циволька. Спустя три дня в проливе показался бот «Новая Земля», сослуживший отличную службу Пахтусову в его первой экспедиции на Новую Землю. Бот, которым управлял крестьянин Шестаков, был послан конторой купца Брандта на поиски следов исчезнувшей шхуны «Енисей». Пахтусов сообщил ему о недавней встрече с промышленником Пономаревым, который рассказывал о том, что севернее Маточкина Шара он видел обломки рангоута небольшого корабля. Отослав с Шестаковым рапорт, Петр Кузьмич направился проливом на восток, чтобы разыскать ладью, которая должна была доставить избу. Однако ладьи нигде не было. Около двух недель путешественники потратили на бесплодные попытки пробиться к восточному устью Маточкина Шара, где они надеялись воспользоваться развалинами зимовья Федора Розмыслова для постройки избы.

Пролив был забит мелким льдом. Вскоре началось новое ледообразование. Пахтусов решил возвратиться к западному устью Маточкина Шара. Место для зимовки было выбрано на берегу реки Чиракина. Путешественники занялись сбором плавника и вблизи реки Маточки обнаружили избу. Она была разобрана и перевезена к месту становища. Пока строилось жилище, члены экспедиции жили в палатке, сделанной из парусов наподобие ненецкого чума. Постройка зимовья была закончена 5 октября. Соорудили баню, соединенную коридором с избой. Помещение было значительно лучше, чем в прошлом году.

Если прошлое зимовье Пахтусов называл сырой берлогой, то нынешнюю избу он находил прекрасной квартирой. О том,

как приспособлена была эта изба для долгой зимовки, можно судить из записок фельдшера Чупова. «Помещение наше содержало в себе такую большую сырость,— писал он,— что со стен и с потолка денно и ночью изливалась вода. Платье, находившееся на людях, от такой сырости скоро приходило в гниение, хотя к осушке избы принимаемы были всевозможные меры... Потолок и стены промерзли; вода обращалась в лед и в снег. При починке платья от гнилости оно не держала нитка. Обувь меняли ежедневно два раза». Однако, по свидетельству Чупова, «несмотря на такое гибельное свое положение», все члены экспедиции находились «в добром духе».

Петр Кузьмич проявлял отеческую заботу о своих подчиненных. Он следил за тем, чтобы пища была по возможности вкусная и разнообразная, чтобы хлеб хорошо выпекался. В обязанности фельдшера было вменено каждое утро осматривать служителей. Для тех членов команды, у которых были обнаружены признаки цинги, готовилась более питательная пища, им выдавались увеличенные порции чеснока, хрена и кислого творога, которые, по мнению промышленников, были лучшими противоцинготными средствами. Кроме того, употребляли экстракт из сосновых шишек и трилистника.

Еженедельно члены экспедиции мылись в бане. Баня, по словам Чупова, была для экипажа праздником, подкрепляла силы и приносила больше пользы, чем все лекарства. Однако дрова и воду для бани и для варки пищи добывать было нелегко. Сначала брали воду из озера, находившегося в двух верстах от избы, но к концу ноября оно промерзло до дна. В течение двух месяцев носили воду из другого озера, отстоявшего на пять верст от зимовья, но затем и в нем вода сделалась непригодной для употребления.

В феврале у половины членов экипажа обнаружилась цинга. Благодаря стараниям Чупова и заботе Пахтусова пятеро из шести больных благополучно выздоровели.

Как только кончилась полярная ночь и несколько ослабли морозы, экспедиция приступила к описи западного устья Маточкина Шара. В начале апреля Пахтусов снарядил два отряда. «Один из них,— писал он в дневнике,— должен был идти по прибрежному льду восточного берега Новой Земли к северу от Маточкина Шара так далеко, как лед и состояние погоды позволят, рассчитывая обратный путь тою же дорогою; другим отрядом предполагалось описать Маточкин Шар по южному его берегу и астрономически связать устья сего пролива».

Пахтусов намерен был руководить работами первого отряда, однако болезнь глаз вынудила его поручить работы по описи восточного берега Новой Земли своему энергичному помощнику. 2 апреля отряды выступили в путь. В зимовье остались лишь фельдшер и двое служителей для присмотра за судами. Спустя три дня оба отряда достигли мыса Дровяного.

8 апреля Циволька направился к северу. Пахтусов — к западу. Петр Кузьмич начал опись южного берега пролива (северный был положен на карту Розмысловым) и через неделю, несмотря на частые метели, морозы и ветры, довел до своего зимовья, определив, что длина Маточкина Шара 95 верст.

Сложнее было Цивольке и его шести спутникам. Сильно восторженный припайный лед был местами залит водой, кое-где оторвался от берега и отодвинулся ветрами в море. Приходилось часто выходить на берег и тащить тяжелые сани с инструментами и месячным запасом провизии через покрытые снегом горы. Отряд продвигался вперед очень медленно, делая в сутки не более 12 верст. Циволька открыл заливы Незнаемый (по-видимому, ранее посещенный Розмысловым) и Медвежий, названный так по случаю встречи отряда с белыми медведями, и несколько островов. Отряд прошел 150 верст к северу от Маточкина Шара и довел опись никем ранее не осмотренного восточного берега Северного острова Новой Земли до полуострова Фон-Флотта. Идти дальше к северу было невозможно, так как все члены отряда испытывали недомогание, продовольствие было на исходе. 24 апреля Циволька прекратил опись, а 6 мая отряд вернулся в зимовье, где уже беспокоились о них товарищи.

Для путешественников истопили баню. Затем команду Цивольки осмотрел фельдшер. Служители оказались больны цингой, а у Цивольки отекали ноги. Таким образом, из 16 человек экспедиции к маю 1835 года были здоровыми только два человека. В апреле — мае экспедиция лишилась двух человек: матроса Самсонова, умершего от простудной лихорадки, и вольнонаемного мастерового Постникова, скончавшегося от «разлития в грудной полости воды». Начальник экспедиции и фельдшер применяли всевозможные средства, чтобы восстановить здоровье больных. Петр Кузьмич занимал команду работами на свежем воздухе, а Чупов использовал все противоцинготные средства. В июне, с наступлением теплого времени и появлением в окрестностях зимовья дичи, здоровье больных стало заметно улучшаться. Пахтусов смог приступить к исследованиям в районе Маточкина Шара.

Одновременно экспедиция готовилась к плаванию на север вдоль западных берегов Новой Земли.

В середине июня зимовье посетили кемские промышленники, только что прибывшие на Новую Землю. «Радостно было для нас свидание с земляками,— записал в дневнике Пахтусов.— Рассказы их об Архангельске, хотя не для всех равно приятные, были предметом толков между нами почти на целую неделю...»

Через несколько дней в зимовье пришел промышленник Еремин. От него Пахтусов узнал, что у западных берегов острова большие скопления льда. Однако это не изменило намерения начальника экспедиции как можно скорее покинуть реку Чира-

кина и выйти в море. «Я готов был пропиливаться через лед», — писал он. В конце июня юго-восточным ветром очистило устье Маточкина Шара и отжало лед от западных берегов. Экспедиция на карбасе «Казаков» пустилась в новое плавание, поставив перед собой задачу достичь мыса Желания, обогнуть Новую Землю и, описав ее восточный берег, вернуться к зимовью, где оставался Чупов с двумя большими и одним здоровым рабочим. Они должны были смотреть за судном «Кротов», оставленным в устье реки Чиракина.

Выйдя из Маточкина Шара, экспедиция несколько дней описывала губу Серебрянку. На низменном берегу острова Митюшева Пахтусов нашел переборки кают, двери, обломок шпангоута и часть фальшборта с планширом, по всем признакам принадлежавшие шхуне «Енисей». «Итак, — писал Пахтусов, — не оставалось более сомнения в гибели наших товарищей. Но где именно и от каких причин погибли они, можно только догадываться. Мы находили обломки и в Маточкином Шаре, и южнее его, но не так много, как здесь; следовательно, вероятнее предположить, что шхуна «Енисей» погибла в губе Серебрянке».

5 июля карбас «Казаков» направился снова к северу. По пути Пахтусов установил, что «полуостров Адмиралтейства, показанный у Литке островом, найден ныне соединяющимся с Новой Землей низменным перешейком. В районе мыса Сухого были замечены стамухи и отдельные плавающие льдины. С каждым днем количество льда увеличивалось. Спустя два дня экспедиция подошла к островам Берха и Вильгельма (группа Горбовых), где карбас был окружен льдами. Льды напирала на карбас со всех сторон. В таком затруднительном положении понесло нас к прибрежному льду, и тут вся сила напора приносимых от запада льдин разразилась над слабым карбасом: он затрещал и через несколько минут треснул вдоль: вода полилась от обоих штевней».

По «Справке относительно потопленной морской провизии», Пахтусов «едва мог спасти себя и людей, успев захватить только инструменты, журналы и карты, бывшая же в карбасе морская провизия, исключая малой части... потонула вместе с некоторыми другими вещами».

Между прочим, пока путешественники спасали имущество, ветер переменял направление, и льдину, на которую они выгрузились, стало относить в море. Тогда они погрузили часть спасенных вещей в две лодки, снятые с карбаса, и поволокли их по льду к берегу, находившемуся не далее чем в версте. Несколько часов потребовалось на то, чтобы добраться до суши. «Мы все перемокли, — писал Пахтусов, — и до крайности устали. Разведя огонь и устроив палатки из спасенных парусов, обратились опять к перетаске оставленной на прибрежном льду провизии и бочки со смолою».

Однако льдина, на которой все это находилось, ушла далеко в море. Отряд оказался без провизии.

Впоследствии А. К. Циволька в рапорте, poslanном в Управление генерал-гидрографа, отмечал, что команда переносила «с величайшим терпением непомерные труды и крайнюю нужду, встречавшиеся нам в сей экспедиции», всегда показывала «отличное усердие к службе» и особенно проявила «ревность и неустрашимость свою при крушении карбаса во льдах 9 июля 1835 года».

Пахтусов прежде всего заботится о том, чтобы накормить людей. Затем он ставит крест и вырезает на нем надпись о том, что здесь, у Горбовых островов, его судно потерпело крушение.

В это критическое время в нем не угасает страсть исследователя. Поручив Цивольке заниматься ремонтом шлюпок, Пахтусов берет планшет и приступает к описи окрестностей. В журнал экспедиции он скрупулезно заносит особенности топографии местности, делает зарисовки, осматривает остатки промысловых изб с неизменными при них братскими могилами. И кто знает, какой была бы судьба этой экспедиции Пахтусова, не отправься он описывать побережье Архангельской губы?

19 июля Пахтусов в одиночестве определял астрономический пункт. Взяв высоту солнца, Петр Кузьмич увидел, что по берегу к нему идет человек и машет шапкой. Это был тот самый промышленник Еремин, который две недели назад побывал в зимовье экспедиции на берегу реки Чиракина. Пахтусов попросил Еремина доставить людей и их имущество в Маточкин Шар. «В чем мы отказать не осмелились, ибо они все не имели провизии и судно их другое находилось в расстоянии 350 верст», — писали впоследствии Еремин и Челузгин. 9 августа экспедиция вернулась в зимовье.

Пахтусов не унимался. Результаты экспедиции он, по-видимому, считал незначительными. Ему не удалось подняться к северу от Новой Земли и найти неведомые острова, существование которых считалось весьма вероятным. Более того, он не обошел полностью Северный остров Новой Земли. Она оставалась загадкой для мореплавателей. Лишь около 150 верст восточного и около 400 верст западного берега было положено на карту. Пахтусов принимает дерзкое решение. Поручив Цивольке с четырьмя членами команды плыть в Сумский посад с промышленником Челузгиным, отправляется с пятью матросами на опись восточных берегов Северного острова Новой Земли. Ледяные поля преграждают путь судну у восточного устья Маточкина Шара. Путешественники перетаскивают карбас по льду до чистой воды и устремляются на север.

Находившиеся в непрерывном движении льды много раз вынуждали путешественников искать убежища за островками и мысами. 23 августа, через две недели со дня выхода в новое плавание, они находились почти в 200 верстах от Маточкина

Шара, в виду мыса Дальнего. Впереди на многие версты простирался сплошной лед. Он был тесно прижат к берегу. Среди серых и белых льдин не голубело ни одной полоски чистой воды. Пути на север не было. Пахтусов снова потерпел неудачу.

Однако плавание вдоль восточных берегов Северного острова Новой Земли не было безрезультатным. Пахтусов положил на карту «два большие залива и 15 островов». Самая северная их группа (74° 36' с. ш. и 59° 20' в. д.) носит теперь имя исследователя.

28 августа Пахтусов возвратился в зимовье, где все было приготовлено, чтобы плыть в Архангельск.

3 сентября Пахтусов со своей командой покинул Новую Землю и 7 октября прибыл в Соломбалу. В Архангельске Петр Кузьмич опасно заболел нервной горячкой. Его могучий организм, подорванный двумя зимовками в Арктике, цингой, лишениями и трудом, не смог справиться с тяжелой болезнью. Через месяц Пахтусова не стало. Его похоронили в Соломбале. Попечением штурманов военно-морского флота на могиле Петра Кузьмича было воздвигнуто надгробие, на котором высечено небольшое парусное судно и надпись, гласящая, что подпоручик Корпуса штурманов и кавалер П. К. Пахтусов умер 7 ноября 1835 года от понесенных в походах трудов.

Спустя пятьдесят один год, в 1886 году, Петру Кузьмичу был сооружен памятник в Кронштадте, где он родился и где окончил Штурманское училище.

Пахтусов занимает выдающееся место среди русских мореплавателей — исследователей Арктики. Его две экспедиции на Новую Землю по своим результатам превзошли все исследования его предшественников, в том числе и работы, выполненные Ф. П. Литке за четыре плавания к берегам этого острова. Главная заслуга Пахтусова состоит в том, что он положил на карту южное и восточное побережье Новой Земли, от Карских Ворот до мыса Дальнего, которые считались недоступными и до него изображались на картах пунктирной линией. Исследователь уточнил положение ряда наиболее интересных в промышленном отношении губ и заливов западного берега и описал южный берег Маточкина Шара. В одном из документов Гидрографического морского штаба отмечена «весьма ощутительная польза, принесенная экспедициями Пахтусова развитию промыслов в новоземельских водах».

Интересно отметить, что в 1831 году, то есть до экспедиции Пахтусова, на промыслы в новоземельские воды ходило только одно судно, а в 1835 году, в последнем году работ Пахтусова, их было 137. О том, какие смелые путешествия предпринимали промышленники по следам Пахтусова, рассказывается в заметке М. Ф. Рейнеке, помещенной в «Записках Гидрографического департамента» за 1844 год. В августе 1835 года, спустя несколько недель после того, как судно Пахтусова потерпело

крушение, в этот район пришел промышленник Исаков, и, найдя свободное ото льда море, поднялся более 100 верст севернее острова Панкратьева, где Новая Земля круто заворачивает на юго-запад, а к востоку видны острова. Вероятно, Исаков достиг района Русской Гавани и видел острова, названные в настоящее время его именем. Не лишено оснований предположение, что он поднялся до мыса Желания, вблизи которого находятся острова, впоследствии названные Оранскими.

Кроме описи берегов и промера глубин заливов и бухт, в экспедициях Пахтусова выполнялись наблюдения за течениями, приливами и отливами, «силой магнетизма», наклоном магнитной стрелки и астрономические определения многих пунктов острова. Особый интерес представляли метеорологические наблюдения, они велись через каждые два часа в течение всего времени пребывания экспедиции на Новой Земле. «Эти данные — сокровище для метеоролога», — определил их значение Карл Бэр. Растения, собранные Пахтусовым, были переданы в Петербургский Ботанический сад, а минералы — в музей Академии наук.

Учитель и друг Пахтусова, знаменитый русский гидрограф Михаил Францевич Рейнеке позаботился о том, чтобы не пропали отчеты, дневники и карты его экспедиции. Он просмотрел все материалы и составил о них блестящий отзыв. «Хотя экспедиция Пахтусова и несовершенно достигла назначенной ей цели, однако польза, ею принесенная, весьма ощутительна и особенно для промышленности того края. Не говоря уже о том, что восточный берег Новой Земли стал нам теперь довольно знаком, еще и многие места западного ее берега также исследованы гораздо подробнее прежнего. Через это деятельные промышленники поморья стали смелее посещать берега пустынного острова и следуют к северу далее прежних пределов своего плавания. По следам Пахтусова стали они опять посещать острова Панкратьева и Горбовы, куда уже более 30 лет не заходило ни одно промышленное судно. В исходе июля 1835 года после крушения карбаса, на котором плыл Пахтусов, одна промышленничья ладья обошла даже северо-восточный край Новой Земли, мыс Желания, как надо полагать из слов кормщика, который говорит, что земля вдруг круто поворачивается „на шалоник“...»

Для увеличивающейся ныне промышленности около Новой Земли весьма полезно и даже необходимо бы было подробнее исследовать берега этого острова».

Рейнеке стоило больших усилий выхлопотать вдове и детям Пахтусова пенсию. Дело осложнялось тем, что Петр Кузьмич, которому только в 1830 году было присвоено офицерское звание, не выслужил даже половины необходимого для пенсии срока. Михаил Францевич, заручившись поддержкой директора Гидрографического депо Ф. Ф. Шуберта, сумел доказать, что своим самопожертвованием и блестящими достижениями в исследовании Севера Пахтусов заслужил глубокую признатель-

ность ученых и моряков своей страны и его семья вправе рассчитывать на заботу государства. Вдове Пахтусова была назначена пенсия в размере последнего годового жалования ее мужа.

Рейнеке позаботился не только о семье, но и о научном наследстве Пахтусова. Досуг нескольких лет он посвятил подготовке к изданию «Дневных записок» и результатов научных наблюдений своего лучшего ученика. В 1842 и 1844 годах в «Записках Гидрографического департамента» увидели свет «Дневные записки» Пахтусова, снабженные исчерпывающими комментариями Михаила Францевича. «Это мои дети», — с гордостью записал он в дневнике.

Карты и гидрографические заметки, составленные Пахтусовым, служили пособием для мореплавателей более столетия. Ими пользовались капитаны, проводившие суда Карских советских экспедиций.

Алмазный блеск невидимой звезды

Э тот человек, подобно горьковскому Данко, ежесекундно, чтобы искры его светили всем ищущим дорогу в ночи. Звали его Михаил Францевич Рейнеке (Рейнекен). Он родился 10 ноября 1801 года на мызе Гротгузенгоф в Венденском уезде. Семь лет родители Рейнеке провели на восточной окраине России, затем еще десять лет жили в Иркутске, пока Франц Францевич не вышел в отставку и не уехал в Латвию, где жил его отец.

Когда Михаилу Рейнеке исполнилось одиннадцать лет, его отправили учиться в Морской кадетский корпус, из стен которого вышло немало замечательных деятелей русской науки. Здесь он приобрел друзей — Николая Бестужева и Павла Нахимова. Их ожидали разные судьбы. Бестужеву предстояло обширное поле деятельности в Северном обществе декабристов, а затем каторга и ссылка. Нахимову суждено было прославиться ратными подвигами на море и бастионах Севастополя, а Рейнеке — заслужить вечную признательность потомков менее известными, но не менее трудными делами — исследованиями на Белом море, Мурмане и Балтике. Рейнеке обратил на себя внимание любознательностью и страстью к чтению.

После успешной сдачи выпускных экзаменов в 1818 году Рейнеке назначили в третий флотский экипаж и определили адъютантом командира. Три года он провел в Кронштадте, где служили его три брата — Адриан, Александр и Павел, несколько лет раньше также окончившие Морской кадетский корпус.

Последние недели кронштадтской жизни были омрачены смертью отца. Он скончался в Дифландии 7 февраля 1821 года.

Весной 1821 года Рейнеке был назначен в Архангельск. Туда же были определены Нахимов и их товарищ по Кадетскому корпусу Михаил Бестужев. Служба на берегах Северной Двины в старинном поморском городе осталась порой «счастливой юности» для Рейнеке и лучшим воспоминанием Михаила Бестужева. Здесь Рейнеке впервые разлучился с Павлом Нахимовым, назначенным в плавание вокруг света на фрегате «Крейсер».

Летом 1822 года на военном судне «Вестово» Рейнеке отправился в Кронштадт. В Копенгагене моряки повстречали русскую кругосветную экспедицию М. П. Лазарева, в составе которой находился Нахимов.

В 1824 году Дмитрий Алексеевич Демидов, участвовавший в первом русском плавании к Южному полюсу и в открытии Антарктического континента, пригласил Рейнеке принять участие в своей экспедиции. Перед экспедицией были поставлены обширные задачи. Она должна была определить положение банок Белого моря и промерить глубины в неисследованных районах. При этом особое внимание обращалось на изучение Северных Кошек и банок, находящихся вблизи фарватера, тем более что их точное местоположение вызывало сомнение.

Покидая 18 июня на бриге «Кетти» Архангельский порт, Рейнеке вряд ли подозревал, что решение всех этих задач через три года выпадет на его долю.

19 июня, миновав бар Северной Двины, бриг «Кетти» вышел в Белое море. Спутая четыре дня описанием берега остров Жижгинский, а затем определили географическое положение его южной оконечности. Сильные северо-восточные ветры задержали здесь экспедицию до 29 июня. В этот день стали лавировать вблизи Терского берега. 3 июля занимались астрономическими наблюдениями на южной оконечности острова Соменов.

Через два дня уже было определено положение северо-западной оконечности Трех Островов, но эти выводы «по причине часто находившихся облаков» Демидов считал ненадежными. Однако и они свидетельствовали о большом несоответствии меркаторской карты с подлинным положением Трех Островов и Толстого Орлова Носа. Поэтому было решено описать Три Острова.

Михаил Францевич Рейнеке